

Алексей Будищев

Сыч

Алексей Будищев

Сыч

«Public Domain»

1900

Будищев А. Н.

Сыч / А. Н. Будищев — «Public Domain», 1900

«Прозвище ему было Сыч. Пять лет он прожил в одной и той же экономии, летом пася овец, а зимой карауля усадьбу. Вид у него был самый жалкий и убогий; он хромал на обе ноги, и два ребра его были сломаны, почему он часто прихварывал, жалуясь на боль в груди. До пятнадцати лет он рос здоровым и краснощеким парнем, но тут с ним произошло несчастье. Отец взял его „на помочь“ возить снопы к соседу-барину; на помочи все – и старые и малые – перепились, и, когда он после работы ехал домой, лошадь его понесла под гору; он выпал из телеги, и пять задних фур проехали по нем своими колесами. Сыч стал калекой; о крестьянской работе, о женитьбе, о собственной семье и хате нечего было и думать...»

© Будищев А. Н., 1900

© Public Domain, 1900

Алексей Будищев

Сыч

Прозвище ему было Сыч. Пять лет он прожил в одной и той же экономии, летом пася овец, а зимой карауля усадьбу. Вид у него был самый жалкий и убогий; он хромал на обе ноги, и два ребра его были сломаны, почему он часто прихварывал, жалуясь на боль в груди. До пятнадцати лет он рос здоровым и краснощеким парнем, но тут с ним произошло несчастье. Отец взял его «на помочь» возить снопы к соседу-барину; на помочи все – и старые и малые – перепились, и, когда он после работы ехал домой, лошадь его понесла под гору; он выпал из телеги, и пять задних фур проехали по нем своими колесами. Сыч стал калекой; о крестьянской работе, о женитьбе, о собственной семье и хате нечего было и думать.

Приходилось вымести все это из головы, причислиться в разряд непригодных к работе старцев и подыскивать себе какое-нибудь занятие, чтобы кормиться. Он подумал, подумал, и пошел в пастухи, а когда стал постарше, – по зимам, кроме того, нанимался в ночные караульщики. К 30 годам из него вышел знатный пастух и чуткий ночной сторож. Не вздремнуть ни одним глазом в долгую зимнюю ночь было ему нипочем, поэтому-то его и звали Сычом. К этому же времени отец, и мать его умерли, и у него осталась одна тетка. Раз в месяц она приезжала к нему с каким-то свертком под мышкой. Лицо у неё было ужасно длинное, изрытое морщинами и с таким выражением, точно она только что кого-то похоронила и собиралась вопить. Сыч выходил к ней навстречу и удалялся вместе с нею за рабочую избу; там они вели о чем-то разговор, а затем тетка вручала ему свой сверток, в котором оказывались чистая посконная рубаша и такие же штаны. Сыч после этого, если на дворе было не особенно холодно, повертывался к тетке спиной и тут же переодевался во все чистое, а грязное отдавал тетке для стирки. Во время этих посещений Сыч обыкновенно спрашивал у барина деньги, которые и совал за избой в коричневую руку тетки; а та всегда смотрела в это время куда-то вбок и слезливо моргала глазами. Кроме этой тетки, к нему никто никогда не приезжал; жизнь его катилась монотонно и однообразно.

С половины октября до половины марта он выходил обыкновенно из рабочей избы, когда на дворе уже совершенно темнело, на небе показывались звезды, и за усадьбою на сеновале старых полуразрушенных конюшен пронзительно кричали совы. В одной руке он всегда держал в это время длинную дубину, в другой колотушку – непременно принадлежность караульщика. Постукивая в колотушку и ковыляя на своих вывернутых внутрь ногах, он ходил по всей усадьбе, напевая себе под нос что-то скучное и монотонное, как жизнь сторожа. Осенью его хлестали дожди, зимою метели. Когда начинался рассвет, и совы прятались по своим дуплам, он уходил в рабочую избу, заваливался на горячую печку и спал. Так проходили у него осень и зима. Но в половине марта овцы начинали ягниться, и на его обязанности лежало приглядывать за ними; Сыч в это время делался акушеркой и кормилицей, так как он выпаивал рожком сироток, детей нерадельных маток и двойняшек. В эти дни его можно было видеть окружённым где-нибудь на солнцепеке целым табуном ягнятишек, прыгавших около него на своих долговязых ногах и сосавших его грязные пальцы. Он их любил, различал по самым незаметным признакам, и своих любимцев звал «востроглазыми». Когда же весна вступала в свои права, и зеленая щетинка травы покрывала собою землю, Сыч с четырьмя или пятью подпасками – мальчиками угонял овец вплоть до глубокой осени на пастуший хутор, версты на три от усадьбы. Он делался пастухом. Новоселье он открывал тем, что натыкал вокруг летних кашар колышки, перевязанные лыком; хитрый волк видит в этом приготовленную для него западню и далеко обходит кашары. Кроме того, Сыч после заката, надев все чистое и заранее приготовленное коричневыми руками тетки, приходил в кашары и, стоя там на своих вывернутых ногах среди овец, шептал, устремив взор в потолок:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.